

ЯНА САФРОНОВА

ПОП-ПСИХОЛОГИЯ — НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Что может заставить известного критика поменять жанр?

Возможно, воспоминания о легендарном прошлом литературы, которые не дают покоя и по сей день, требуют быть записанными на бумагу. А может быть, большая личная утрата, которую захочется выписать и выговорить. Или ещё вариант — желание оправдать свой литературный путь, книгой защититься от нападков профессионального писательского сообщества.

Что бы ни подвигло героинь этой статьи сменить упорядоченный критический мир на свободу эссеистического повествования, в итоге перед нами — три высказывания о жизни, литературе и о себе. Три сознания, которые отражают особенности поколения, в котором им повезло сформироваться. И одновременно — процесс изменения общества, приоритетов, смещения акцентов.

Но всё-таки прежде всего критик меняет жанр, когда ему есть что сказать “поверх” литературы, когда он хочет высказать больше. И тут мы можем рассчитывать на предельно откровенный разговор, в котором будет только о самом важном. Ведь когда ты наконец получаешь возможность высказаться не о другом, преломлённом в литературное произведение, а о себе — сколько интересного ты наговоришь...

Наталья Иванова. Такова литературная жизнь: Роман-комментарий с ненаучными приложениями. М.: Б. С. Г. Пресс, 2017.

Книгу Натальи Ивановой “Такова литературная жизнь: Роман-комментарий с ненаучными приложениями” вряд ли можно назвать романом. Первая её часть — это сборник эссе, где автор рассказывает о многолетней работе в “толстых” журналах, о писательских поездках и отдельных личных впечатлениях. Далее помещается страстно написанная литературная хроника с 1986-го по 1999 год включительно. Завершают книгу короткие рецензии-аннотации на книги, тем или иным образом попавшие в круг чтения Ивановой.

Пожалуй, самый занимательный для читателя раздел — первый, где можно узнать о литературном быте обыкновенного советского редактора. Наталья Иванова, ныне — замглавреда “Знамени”, опытный литературный работник. Она трудилась в издательстве “Современник”, долгое время работала в журналах “Дружба народов” и “Знамя”.

Профессиональный интерес представляют подробные заметки о том, как раньше всё было устроено в редакциях “толстяков”. Вот, например, содержательная информация о “самотёке” — материалах, попавших на редакционный стол не по рекомендации или личному приглашению, а прямо с почты: “Каждая рукопись регистрировалась — и по закону приравнивалась к письму

трудящегося. А на письма трудящихся полагалось отвечать в обязательном порядке. В течение двух месяцев, строго. <...> вы должны были чётко и ясно мотивировать свой отказ. Отказ в как можно более вежливой форме – иначе на вас пожалуются в этот самый Контроль, и грозный контроль придёт проверять вас, а заодно и всю редакцию”. Сейчас редакции оставляют за собой право не вступать в переписку с будущими авторами, но и отправить рукопись в журнал стало легче: находишь в интернете электронный адрес и прикрепляешь вложение... или десять вложений. О смене формата общения с авторами Наталья Иванова пишет увлечённо и остроумно, вспоминает забавные случаи и приводит фрагменты переписки.

Однако о рабочей схеме “Знамени” в 1970-е годы Иванова отзывается прохладно: все рукописи должны были быть согласованы с цензурным начальством, кроме того, в изданиях сидели стукачи. О современном состоянии родного журнала заместитель главного редактора пишет едва ли полслова. Разве что... немножко хвастается: “В других редакциях на праздник накрывают столы поскромнее – сотрудники сами (в отличие от нас, заказывающих фуршет через кейтеринг) нарезают бутербродики, сами выкладывают селедочку, огурчики, колбаску... И когда я вслух сожалею о наших расходах на двух официантов в белоснежных кителях с галунами, на белые свечи и “скартерти со свисом”, то Сергей Чупринин (главный редактор “Знамени”. – **Я. С.**) мне на это говорит: “Ну, ты же любишь понты!” Да, люблю”. Высшее писательское удовольствие: сравнить себя с соседом и понять, что тебе живётся лучше.

Также в рубрику счастливых воспоминаний интеллигента о прошлом попадают многочисленные поездки, премии, дачные встречи в Перedelкино. Картина рисуется идиллическая: Грузия, Франция, Америка, Англия – и везде принимают, как дома, обмениваются опытом и общаются о творчестве. Прекрасная атмосфера для жизни и труда. Заграничные кущи чаруют и манят Наталью Борисовну, иногда влечение становится сложно преодолеть... Случай с украденным бумажником в Париже: “Возвращаемся пешком по бульвару Сан-Мишель, мимо кафе “Люксембург”, где мы сидели днём, перед выступлением. И ещё пытались заказать такси – у Маканина устали ноги. А вдруг? Захожу – радостной улыбкой встречает меня официант, ведёт к бару, а там – бармен достаёт откуда-то снизу мой бумажник. Со всеми деньгами и карточками. Вот она, реальная европейская честность. А карточки в Москве пришлось делать заново”. Поучительная история о том, что лучше всегда там, где нас нет.

Критик Наталья Иванова не скрывает своих политических пристрастий: они сугубо либеральны. Но и литературу она воспринимает как борьбу двух противоположностей, как настроенную оппозицию, за которой глаз да глаз, не проследишь – рванёт. Порой это приобретает даже маниакальное звучание: “Что бы я ни писала и где бы я ни выступала с тех пор, определённое направление следит за мною весьма внимательно. Причём “патриоты” разных оттенков (там тоже есть свои оттенки)”. В пространстве “Такова литературная жизнь...” все следят друг за другом из идеологических окопов.

Так продолжается и до сих пор. Рассказывая о литературном форуме ФСЭИП, в народе “Липки”, Иванова особенно заостряет внимание на журнале-оппоненте: “А надо сказать, что чем дальше, тем больше вести семинары приглашали *разные журналы* – и *разные* по своим убеждениям люди. Александр Казинцев и Сергей Куняев, представляя “Наш современник”, открыто пропагандировали взгляды журнала, использовали каждое выступление как трибуну. <...> А потом все гуськом, тихо-мирно шли в столовую обедать или ужинать; сидели за соседними столами (совместная трапеза сближает, именно поэтому психологи советуют в целях укрепления брака завтракать и ужинать только вместе). Вообразите картинку: младший Куняев после пафосной речи – за спиной Андрея Арьева”. Когда речь заходит о “противоборствующем лагере”, авторская ирония достигает апогея. И почему-то распространяется только на других, что особенно странно, ведь автор сидит за тем же столом и, наверное, так же гуськом выдвигается за ужином в столовую...

Нахождение в накалённом противостоянии накладывает отпечаток и на трактовку литературных фактов. Во втором разделе, хронике, Иванова берёт во внимание в основном публикации “Нового мира” и “Знамени”, говорит о том, что яркие дебюты почти всегда случались только на страницах этих

журналов. Кроме того, что это свидетельствует о суженности взгляда, конфронтативный подход критика ещё раз указывает на полную обращённость в прошлое. Линию водораздела можно проследить. До 1997 года исследователь увлечённо перечисляет главные литературные произведения периода, тщательно отыскивает сюжет года... Но вот в 1997-м вместо подробного обзора — “Медный год”, — речь, произнесённая на присуждении премии “Антибукер”, а в 1999-м и вовсе... игровой алфавит. Ивановой становится неинтересно, литература с её баталиями, огромными тиражами и открытиями для неё заканчивается “там”. Потому в книге, написанной в 2017 году, разливается океан ностальгии. С течением времени уже ничто настолько не задевает: краткие отчёты о прочитанных современных книгах в третьей части занимают по полстраницы, больше половины их объёма составляют отвлечённые рассуждения.

Отзываясь на “Такова литературная жизнь...”, критик Юлия Подлубнова сравнивает книгу с “Дневными звёздами” Ольги Берггольц. Подлубнова оговаривается, что аналогия не совсем точная, и всё же проводит параллель в начале и в конце рецензии. На мой взгляд, “Дневные звёзды” — полный антипод сочинения Ивановой: у Берггольц на первом плане её захватывающая, потрясающая биография поэтессы-блокадницы, а Наталья Иванова, напротив, отстраняется от событий, происходящих в стране. Захват Белого дома описывает скупое: перебежала с толпой с одной стороны Нового Арбата на другую, попала под обстрел, зашла в квартиру к друзьям, посмотрела телевизор, пошла обратно, побрела к метро.

Мало Наталья Борисовна говорит и о личном. Назывно упоминает мужей, с обидой делится, что один из них не понимал, зачем покупать книги, если есть библиотеки. А ведь отношение к печатному изданию у Ивановой особое, по наследству переданное, молитвенное. Да, действительно “Роман с литературой” — определение не жанровое, но смысловое.

Автор книги искренне любит призрак бурной, разноречивой словесности позднего советского периода. Литературная обстановка тех лет — самое важное, сокровенное, что принесло массу жизненных впечатлений — главный герой мемуарных записей. Расставаться с ним и смотреть в незаинтересованное лицо современного читателя больно. Наталья Иванова этого и не делает, предпочитая вести ироничный разговор о приёмах, премиях, белых скатертях и мимолётом встреченных друзьях или недругах-литераторах.

Валерия Пустовая. Ода радости: роман. М.: ЭКСМО, 2019.

Прошлую книгу критики Валерии Пустовой “Великая лёгкость. Очерки культурного движения” завершало программное эссе. В нём Пустовая чётко обозначила, что для неё главное в литературе: “По мне, так читать стоит только для этого — расслышать правду и не суметь быть прежним”. Затем критик размышляла о подходах к исследованию литературы: “Теперь изучают не литературу, а саму жизнь — и техники гармоничного в ней пребывания. Недаром верховным критическим эпитетом наше время назначило понятие “живой”. И будто бы в развитие и подтверждение этой мысли следующей вышла книга “Ода радости”, сборник эссе, организованных по сквозной тематике жизненного материала. В трёх частях — “Одна”, “Пара” и “Третий” — автор откровенно рассказывает о потере матери, обретении любви и, наконец, семьи.

Творческая биография Валерии Пустовой не менее богата, чем у Натальи Ивановой. Будучи молодым автором, Пустовая долгое время возглавляла отдел критики журнала “Октябрь”, выпуск которого был приостановлен с января 2019 года. Но об этом в книге не говорится как о чём-то первостепенно важном, литература и литературный процесс здесь всего лишь часть повседневности. Они “впяны” в постоянный, но в общем-то обыденный разговор, который лишь обрамляет события настоящей жизни: “В наш самый последний вечер дома мы сплетничали про номинации Нацбеста, хотя в пору было схватить её за мизинец и сидеть, лбом вжавшись и повторяя: “Мама, мамочка”, — но так мы уже провели день до этого”. Литература в “Оде радости” “работает” на жизнь, и это подкупает. Прочитанные книги, в свою очередь, служат отправной точкой для рассуждений, они утешают, поддерживают и направляют. Автор открыт тому, что принесёт ему книга, благодарен за то, что она может дать.

Забавно было обнаружить полное совпадение, повторяющееся в женской писательской судьбе поколениями. Пустовая часто упоминает, что муж не разделяет её восторг от покупки массы печатных книг. Однако меняется ракурс: “В культуре для взрослых перепроизводство и конец бумаги. В детском книгоиздании – листы ожидания за тысячу-полторы и сетование потребителей, что вот этот хит размером больше листа А4, на который в доме нет места, нам опять не достать”. Критик легко отказывается от “настоящей” книги для взрослых, потому что знает: можно скачать электронную версию в полцены. Но у детства нельзя отнять удовольствие общения с литературой, поэтому новые сокровища продолжают пополнять коллекцию.

Литературных поездок у постсоветского литератора Валерии Пустовой тоже хватает. В связи с потерей литературой статуса они стали скромнее: подмосковные “Липки”, теперь кочующие по городам России, редкая удача посетит писательскую резиденцию в Шотландии. Везде находится вдохновляющее, интересное, привлекательны сами люди: они открывают новое, общение с ними позволяет расширить культурный и жизненный опыт.

Самое ценное в книге – предельная искренность, которая иногда перехлёстывает: читаешь подробности становления молодой матери, и становится неловко, будто подглядывал в окно чужого дома. Но всё же, когда честность переживания набирает силу, то становится важным личностным открытием: “Крестный путь, я чувствую это как крестный путь. Она вернулась домой, чтобы пройти его до конца. Сквозь вопли: “Сдохни меня!” – обращённые к Богу, в чьей власти оборвать страшное до срока, через унижение немощью и нечистотой, через измену тела, шатнувшегося под тяжестью беды, и бичевание словом: “Кто только мордой меня не возил”, – как скажет о медицинских работах. А главное, через несправедливость – незаслуженность, невольность горя”. Интересны рассуждения Валерии Пустовой о религии, автором движет постоянное желание понять, сопоставить закон и собственное восприятие Бога: “. . . Когда я впервые внесла сына в храм, я проговорила: “Смотри: тепло, красиво, Бог. . .” – и сама испугалась сорвавшейся глупости: кто же Бога на последнее место ставит? Но потом поняла: так сработал закон первого познания. < . . . > Бог начинается там, где тепло и красиво, иначе остаётся абстракцией”. Словом, наблюдать за сплетениями неожиданных логических цепочек в “Оде радости” почти то же, что и следить за развитием сюжета в художественном произведении, где герой подошёл слишком близко и почти касается тебя через текст.

И вот, учитывая нетривиальность суждений, подвижность мысли, чёткость в формулировках и, наконец, имея опыт чтения статей профессионального критика Валерии Пустовой, не устаёшь поражаться: сколько же противоречащей друг другу информации может комфортно сосуществовать в её сознании! Основа всего – убеждённая религиозность, которая проникает во все сферы жизни. С ней соседствуют вошедшие в обиход сонники: “. . . и я уже только по инерции с утра гуглю буквари сонников”; гороскопы: “. . . я вообще внимательно запоминаю советы, и даже в одном гороскопе прочла. . .”; соционика, которая называется лженаукой, но всё равно учитывается: “лженаука соционика типично нас как двух инфантилов”; и, безусловно, психология: “Захотелось выйти из того, что мне психолог расчертит в популярную схему треугольника. Следите, сказала, вам будет слишком легко в это включиться: агрессор–жертва–защитник”.

Ярый интеллектуальный коктейль смешан из ингредиентов низкой степени сочетаемости, особенно первого со всеми остальными. Молодой образованный литератор Валерия Пустовая каким-то невероятным образом оказывается в эпицентре всех модных “женских” информационных тенденций. О них ожидаешь услышать на каком-нибудь Ютуб-канале с названием “Девчонки”, но прочтешь в этой книге оказываешься не готов. В одном из интервью* Пустовая говорит о том, что наиболее перспективное направление в литературе сейчас – это синтез: “Синтез разнородного – язык нашего времени, которому доступно слишком широкое восприятие: сразу в нескольких плоскостях. Я бы, как писал классик, сузил, да уже, как пишут сейчас, не развидишь жизнь в объёме всех возможных для нас толкований”. Но кажется, что синтезом

* Ганиева А. Они что, и на барабанах играли? Интервью с Валерией Пустовой // Новая газета. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-12-19/10_1011_valeria.html (дата обращения: 29.04.20)

называется банальная путаница и незрелость суждений. С одной стороны, ориентация критика на жизнь и человечность привлекает, а с другой – как доверять его мнению, если в том же интервью он признаётся в том, что его литературные вкусы зависят от жизненных обстоятельств* и процессов самопознания, а они проходят по линиям гороскопов и сонников...

Одна из областей прикладных интересов Валерии Пустовой “выпирает” из текста. Психология определяет течение повествования и лексический состав “Оды радости”. И кажется даже, что непрерывно звучащее словосочетание “терапевтическая проза” в рецензиях критиков о книге – определение, под- сказанное умным критиком в ней же. “Коучинг”, “паттерны”, “травматический опыт”, сеансы с психологом, внимательное чтение и прослушивание работ Людмилы Петрановской... В конце концов – прямое сравнение: “Как хорошо разглаживать, подчищать и размечать мир в рамках текста. Наверное, та- кой же кайф, как разгадать и вытряхнуть чужой психологический кейс”.

“Психологические сессии” в двадцатом веке стали распространён- ным явлением. Кто же будет отрицать, что разговор с хорошим психологом – вещь полезная? Но применять психологические схемы, которыми профессио- нал врачевал на сеансе, в обсуждении литературного произведения как один из главных аргументов – вряд ли хорошая идея. Этим Пустовая занимается, например, в статье “Ритуал единственного дня” о нашумевшей книге Анны Старобинец “Посмотри на него”: “Прожить чувства – задача из области пси- хологической терапии, с которой клиенту обычно труднее всего справиться. Прежде чем добраться до прямого ответа на простой вроде бы вопрос: “А что вы чувствуете?” – психологу приходится постепенно снимать наросшие на чувствах хитиновые щиты, мешающие клиенту слышать самого себя. На- блюдения о “системе” в книге Старобинец работают, как один из таких щитов”. Поверхностные оценки того, что именно приходится делать психологу, и сопоставление этого с писательской задачей – странное смещение, прису- щее времени доступной информации, когда, прослушав пару десятков лек- ций, ты “становишься” профессионалом в любой области...

Галина Юзефович. О чём говорят бестселлеры. Как всё устрое- но в книжном мире. М.: АСТ, 2018.

Нельзя сказать, что самый популярный (или выдаваемый за таковую) критик страны Галина Юзефович кардинально сменила жанр в книге “О чём говорят бестселлеры”. Скорее слегка вышла из зоны комфорта. Обычная для неё форма – это короткие рецензии, где книга кратко пересказывается, срав- нивается с другой и становится частью рекомендательного списка авторитет- ного критика. В своих работах Юзефович всюду использует так называемый “информационный стиль”: краткость, чёткое деление на абзацы и подразде- лы, простота языка.

Сборник “О чём говорят бестселлеры” – вторая по счёту книга в творчес- кой биографии писательницы. И здесь она не просто рассуждает о новинках, но пытается объяснить массовому читателю, как всё устроено в книжном ми- ре. Учитывая явный коммерческий успех Юзефович**, можно рассчитывать на то, что она и правда обладает нужным знанием.

От критика, который всегда заявляет о принципиальной простоте своих работ, не стоит ожидать концептуальных сложностей: в книге нет особенного композиционного деления. Статьи тематически перетекают одна в другую, иногда их завершают списки-навигаторы, призванные решить проблему

* Ганиева А. Они что, и на барабанах играли? Интервью с Валерией Пустовой // Но- вая газета. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-12-19/10_1011_valeria.html (дата обращения: 29.04.20): “То же и с реализ- мом: я всю жизнь рвусь к полноте проживания и осознания реальности в литерату- ре – не потому ли, что это мой главный страх? Впоследствии оказалось, что сжиться с реальностью помогает как раз голая проза Сенчина или вот Дмитрия Данилова, к которому поначалу у меня тоже возникло непонимание”.

** Для сравнения: “О чём говорят бестселлеры” издано в самом коммерчески успешном подразделении издателя-гиганта “ЭКСМО-АСТ” – “Редакция Елены Шубиной” – тира- жом 5000 экз. Книга Валерии Пустовой тоже была напечатана в “ЭКСМО”, но тут всё скромнее – 2000 экз. Работа Натальи Ивановой “Такова литературная жизнь” вышла в узкопрофильном филологическом издательстве “Б. С. Г.-Пресс” тиражом 1000 экз.

“а что почитать на тему...” (здесь может быть любая переменная). Притом написаны статьи с выдержанной профессиональной дистанцией. Юзефович не говорит о личном и не позволяет себе излишней эмоциональности, но всё же иногда...

Сквозной сюжет книги – это защита и оправдание литературного отверженничества, явлений словесности, которые признаны широкой публикой, но не принимаются всерьёз профессиональным сообществом. Автор лишь иногда отпускает оценочные комментарии вроде “старомодный толстожурнальный очерк”, но создаётся впечатление, что на страницах книги ведётся скрытая дискуссия как раз с представителями этих самых “толстых” журналов.

Возьмём хотя бы открывающий книгу текст “Зачем нам критика, или Вместо предисловия”. В нём Галина Юзефович противопоставляет свой способ работы тому самому “старомодному”. По её словам получается, что если критика прошлого сосредотачивалась на контексте и личности автора, то новая, представителем которой является сама писательница, берёт во внимание прежде всего объект (т<о> е<сть> книгу), и “бесхитростно” приносит её публике на раскрытых ладонях. Разумеется, искренне заботясь об удобстве читателя, а потому разжёвывая ему содержание.

Лёгким мановением руки, без всяких прямых и безапелляционных заявлений, Юзефович создаёт заряженное противопоставление: критики “классического” формата хотят, чтобы вам было скучно и вы читали про них самих или про никому не нужные контексты, а я – чтобы вы с пользой провели время и сосредоточились непосредственно на самом произведении.

Таких виртуозных софизмов в книге масса. Заранее обобщая их, можно вывести формулу: Юзефович призывает расслабиться и получать удовольствие. Вот, например, литературный мир волнует отсутствие качества в массовой литературе и то, что она заполняет полки книжных магазинов, создавая блокаду для по-настоящему художественных произведений. У критика к этому подход особый: “Если книгу читает полмиллиарда людей по всему свету, уже неважно, хороша она или плоха с литературной точки зрения, – важно, что мы узнаём из неё об окружающем нас мире”. Округлим мысль: “Но безразлично кривить губу, смотреть сверху вниз и соколиным глазом прозревать в любом большом успехе результат всемирного заговора, плод бесстыжей маркетинговой раскрутки или, на худой конец, признак полнейшего всемирного дурновкусия – крайне неосмотрительно. Большой успех не бывает “незаслуженным” или случайным <...> Вместо того, чтобы высокомерно наслаждаться собственным иммунитетом к объектам массового вкуса и героически выгребать против течения, интереснее и продуктивнее будет найти и осмыслить магию, делающую великий бестселлер великим бестселлером. Про магию всегда интересно – не верите мне, спросите Джоан Роулинг”. Вот так сначала говоришь, что книга с миллионными тиражами становится неприкасаема только из-за популярности, а потом подпускаешь в конце немножко магии, и будто ничего и не было.

Представим себе ситуацию: вы сидите вечером в своей квартире и читаете “Пятьдесят оттенков серого” (неважно, почему “бестселлер” к вам попал, просто оказался у вас в руках) – и вам становится отвратительно, стыдно и неловко от развесёлых описаний извращённого секса и глупости главной героини. Но не надо безразлично кривить губу! Стоит философски задуматься, какая такая магия сделала эту книгу “великой” и продаваемой для полумиллиарда людей. Когда осознание магии придёт, книга, вероятно, с удовольствием дочитается.

То же с Нобелевской премией. Всем возмущающимся распределением “слонов” Галина Юзефович даёт отповедь, мол, прежде всего, кандидаты рассматриваются Нобелевским жюри за литературное мастерство. Правда, потом в подтверждение своих слов даже никого из лауреатов последних лет не цитирует... Невидимым противникам, которые говорят, что Нобеля дают неизвестным писателям второго ряда, критик возражает: “Словом, прежде чем возмущаться “неизвестностью” победителя и подозревать, что дело тут исключительно в “политике”, лучше воспользоваться услугами Google: лично меня подобная практика многократно спасала от конфуза”. И так во всём, абсолютно во всём. Вот Юзефович говорит о новых переводах детских книг, и даже зачин оправдательной речи – одинаковый: “Другое дело, что прежде чем проклинать современного переводчика и результаты его работы, всегда

хорошо бы честно спросить себя: а вдруг нам просто хочется, чтобы перевод был “как в детстве”...” Также неправы теневые литературные мастера, когда обвиняют автора в желании эмоционально манипулировать читателем. По Юзефович, книге не надо сопротивляться – этим мы лишаем себя удовольствия. Помните молитвенное отношение к печатному изданию Ивановой? А идейное коллекционирование детской литературы Пустовой? У популярного критика всё проще: она с радостью сообщает, что теперь необязательно носить на себе бумажные кирпичи.

Но чтобы прийти к примиряющим выводам, автор сначала выстраивает линию защиты. И главный инструмент в ней – уже знакомое нам психологическое обоснование. Помимо массы иностранных слов, которые как бы позволяют включиться в общемировой литературный процесс, книга изобилует рассуждениями о “травматичном опыте” и “повторяющихся паттернах”, а литературу предлагает воспринимать как коллективную психотерапию.

Юзефович поднимает актуальную тему: произведения, в которых речь идёт о советском периоде, осмысляется прошлое страны, а не её настоящее. “Обитель” Захара Прилепина, “Зулейха открывает глаза” Гузель Яхиной, “Зимняя дорога” Леонида Юзефовича и др. Весь XX век критик аккуратно характеризует общей травмой и находит в перечисленных произведениях большой потенциал: “... литература предлагает нам сегодня спасительную шину, позволяющую зафиксировать несчастный палец (ранее он был сломан. – Я. С.) и ощупать наше прошлое так, чтобы в плечо не стреляло <...> переварить нашу общую травму, полюбить и принять в себе не только расстрелянного или раскулаченного прадеда, но и прадеда-вохровца или прабабушку-доносчицу можно, только отказавшись от однозначного деления на правых и виноватых”. Принятие манипуляций, ощупывание сломанных пальцев, переваривание людей... Образный ряд Галины Юзефович при всей толерантной психологичности письма становится садистским, как только она пытается ласково уговорить на смирение сопротивляющегося читателя.

Если принимать на веру всё, чему учит критик в “О чём говорят бестселлеры”, то книжный мир сейчас – полиморфное пространство, где, в общем-то, всё можно, а потому нужно опасаться однозначных суждений. Место, где “... издательство – это своего рода бренд, и относиться к нему следует примерно, как к бренду, производящему ваши любимые джинсы или самую приятную на вкус зубную пасту...” Книга приравнивается к продукту, с помощью которого можно удовлетворить базовые потребности. Даже думать особенно не нужно, учитывая, что по идеальной теории Юзефович критик уже заранее расказал её содержание. Так что – смотри на симпатичную обложку, да и покупай, будешь хорошо выглядеть и приятно пахнуть.

Галина Юзефович призывает пытаться понять ту “магию”, которая формирует литературную моду, но она и сама является её предметом. Секрет прост: в своих работах она оправдывает деградацию читателя. Гладит холодной рукой по горячему лбу, говорит, что это не мы стали хуже, а мир стремительно изменился. Мы просто за ним не успели, но если прочтём вот это “великое”, “гениальное”, “идеальное”, то догоним, пропсихотерапевтируемся и выйдем из “травмы двадцатого века” как новенькие. Опыт показывает обратное. Приводимый критиком в пример “бестселлер травмы” “Зулейха открывает глаза” Гузель Яхиной о плачевной судьбе татар в советском государстве, вышедший на телеканале “Россия-1” в виде сериала в апреле 2020 года, вызвал широкий скандал*. А это же просто людям надоело терпеть, что им ломают здоровые пальцы, бормоча что-то о травме и паттерне.

Так называемая поп-психология** даёт готовые рецепты решения проблем. Она находит своего почитателя и в России: самой продаваемой книгой в стране за 2019 год стало руководство Марка Мэнсона “Тонкое искусство

* Щербинина О. Что происходит вокруг сериала “Зулейха открывает глаза”: Хаматову оскорбляют, коммунисты требуют прекратить показ // Tjournal [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tjournal.ru/tv/159610-что-происходит-вокруг-seriala-zuleyha-otkryvaet-glaza-hamatovu-oskorblyayut-kommunisty-trebyuyut-prekratit-pokaz> (дата обращения: 29.04.20)

** Поп-психология носит коммерческий характер и переплетает теории/данные экспериментов/термины научной психологии с чем угодно: псевдонаукой, вольной трактовкой психологических теорий, ложными экспериментами или экспериментами с недостаточной выборкой, своим жизненным опытом, кармой, аурой.

пофигизма: парадоксальный способ жить счастливо”*. Нет ничего удивительного в том, что люди хотят быть счастливыми, а если заглавие книги напрямую обещает это – руки тянутся её купить. Но вот проникновение суррогата в профессиональные литературные умы вызывает тревогу, особенно когда они так далеки друг от друга: авторитетный “толстожурнальный” критик и работник Валерия Пустовая и самый популярный интернет-критик Галина Юзефович, которая напрямую сотрудничает с издательствами и имеет действительное влияние на общественное мнение. И обе как заведённые всё “травматизируют”.

Да, от агрессивного противостояния либералов и почвенников новое поколение литературы, может быть, уйдёт. Говорят, это не наша война. Вопрос в том, куда придёт. Куда ведут пунктирные дорожки? В психотерапию, соционику и гороскопы?..

* Названы самые продаваемые книги в России за 2019 год // Комсомольская правда. 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27087/4159736/> (дата обращения: 29.04.20)